

А.А. Герман

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

После 1914 г. немецкое население Москвы существенно сократилось. Если до начала Первой мировой войны немцев в Москве насчитывалось около 20 тыс. человек¹, они были вторым по численности этносом в городе, играя важную роль в хозяйственной и культурной жизни, то по переписи 1926 г. в городе насчитывалось всего 8,6 тыс. человек².

Как пишет В. Деннингхаус, такое существенное уменьшение численности немцев было связано с огромными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, двумя революциями, Гражданской войной³. Решающее воздействие на снижение численности немецкой колонии Москвы оказала эмиграция 1918–1920 гг., затронувшая прежде всего те слои населения, которым грозили репрессии за их «непролетарское» происхождение или которые не могли принять новую власть по своим убеждениям (дворяне, бывшие чиновники, военные, предприниматели, научная и культурная интеллигенция). Большую долю московских немецких эмигрантов составили выходцы из Прибалтики, получившие возможность официально выехать в провозглашенные независимыми государствами Латвию и Эстонию⁴.

В. Деннингхаус отмечает, что дополнительными факторами снижения численности немцев-москвичей послужили разруха, массовая безработица, голод, волна эпидемий, заставившие часть немцев перебраться в сельскую местность, а также организованное выселение «бывших господ»⁵.

Все эти факторы способствовали коренному изменению социального облика немецкой диаспоры, основную ее часть стали составлять рабочие.

A.A. German

DIE DEPORTATION DER DEUTSCHEN AUS MOSKAU UND AUS DEM GEBIET MOSKAU

Nach 1914 lebten in Moskau wesentlich weniger Deutsche. Vor dem ersten Weltkrieg zählte man etwa 20 Tausend Deutsche in Moskau, sie bildeten die zweitgrößte Volksgruppe in der Stadt und spielten eine wichtige Rolle in dem wirtschaftlichen und kulturellen Leben Moskaus. Nach der Volkszählung von 1926 lebten in Moskau allerdings nur noch 8,6 Tausend Deutsche.

Laut V. Dönninghaus war diese Verringerung der deutschen Bevölkerung mit den Erschütterungen des Ersten Weltkriegs, der beiden Revolutionen und des Bürgerkriegs verbunden. Zur Verringerung der deutschen Kolonie in Moskau hatte entscheidend die Emigrationswelle 1918–1920 beigetragen. Es handelte sich dabei vor allem um die Bevölkerungsschichten, denen wegen ihrer „nicht proletarischen“ Herkunft Repressionen drohten, oder um diejenigen, die die neue Macht aufgrund ihrer Überzeugungen nicht annehmen konnten (Adel, ehemalige Beamte, Offiziere, Unternehmer, Wissenschaftler und Künstler). Den größten Teil der deutschen Emigranten aus Moskau bildeten die Auswanderer aus dem Baltikum, die die offizielle Erlaubnis erhielten, in die für unabhängig erklärten Lettland und Estland auszuwandern.

Als zusätzliche Faktoren der Verringerung der deutschen Bevölkerung Moskaus nennt V. Dönninghaus die wirtschaftliche Zerrüttung, massenhafte Arbeitslosigkeit, Hunger, Epidemien, weswegen ein Teil der Deutschen aufs Land übersiedelte, sowie auch die organisierte Exmission der „ehemaligen Herren“.

Alle diese Faktoren trugen zur wesentlichen Veränderung der sozialen Struktur in der deutschen Diaspora bei, von da an bildete die Arbeitergruppe ihren größten Teil.

« Уже несколько дней назад говорили о поголовном переселении всей Республики немцев Поволжья от мала до велика (до 1 млн. человек) в Среднюю Азию или за Алтай. И вдруг это коснулось московских немцев, вплоть до Риты Вильмонт, например. Именно в эту страшную дождливую ночь узнали об этом в Переделкино Кайзеры и Эльснеры (живущие у Павленки). Они завтра должны выселяться в Казахстан, за Ташкент. Всю ночь это меня давило...

... Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга перекрывающих, прячет за пазуху человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущем на их обоюдостороннее погашение.

Из письма Бориса Пастернака своей жене Зинаиде Николаевне Нейгауз-Пастернак от 12 сентября 1941 г.

Петр Дик.
Ночной город.
Наждачная бумага, пастель,
уголь. 30x30.1992.

В 1930-х гг. московские немцы стали одним из объектов общей репрессивной политики режима. Только в ходе «немецкой операции» НКВД в 1937 – 1938 гг. были арестованы 2368 человек, примерно две трети из которых являлись немцами⁶. Из этого числа были осуждены 1220 человек, в том числе к высшей мере наказания – 863⁷.

По переписи 1939 г. в Москве проживало 8,3 тыс., в Московской области – 6,6 тыс. немцев⁸. Однако хорошо известно, что показатели этой переписи были сфальсифицированы в большую сторону, поэтому реальная численность немцев в Москве и Московской области представляется меньшей.

После того как в августе 1941 г. советским руководством было принято принципиальное решение о высылке немецкого населения из европейской части СССР, депортация немцев из такого стратегически важного региона, как Москва и Московская область, оставалась лишь делом времени, тем более что именно на Москву нацеливался главный удар германских войск.

Решение о переселении немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 сентября 1941 г. и оформлено в виде постановления Государственного комитета обороны (ГКО) СССР № 636сс от 6 сентября 1941 г.⁹ На основании постановления ГКО был издан приказ наркома внутренних дел, разработана и утверждена Л. Берией инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в Москве и Московской области¹⁰. Эти документы, за небольшим исключением (определенной конкретики, связанной с численностью, размещением немцев, возможностями органов НКВД и т. п.), повторяют основные положения, изложенные в аналогичных приказе и инструкции по переселению немцев из Поволжья.

Накануне депортации органы НКВД провели учет немецкого населения в Москве и Московской области и получили данные, которыми в дальнейшем и оперировали организаторы переселения, – 11 567 человек¹¹. Из этого числа немцев было намечено к аресту, а затем и арестовано 1142 человека «антисоветского эле-

1930 fielen die Moskauer Deutschen der allgemeinen Depressionspolitik des Staates zum Opfer. Allein während der „Deutschen Operation“ des NKWD (Volkskommissariat für innere Angelegenheiten) 1937–1938 wurden 2.368 Menschen verhaftet, zwei Drittel davon waren Deutsche. 1.220 von diesen Verhafteten wurden verurteilt, darunter 863 zur Höchststrafe.

Nach der Volkszählung von 1939 lebten in Moskau 8,3 Tausend Deutsche, im Gebiet Moskau – 6,6 Tausend. Insgesamt 14,9 Tausend Deutsche. Allerdings ist es bekannt, dass die Ergebnisse dieser Volkszählung nach oben gefälscht wurden. Die wirkliche Anzahl der Deutschen in Moskau und im Gebiet Moskau war also geringer.

Nachdem die sowjetische Regierung im August 1941 die prinzipielle Entscheidung getroffen hatte, die Deutschen aus dem europäischen Teil der UdSSR auszuweisen, war die Deportation der Deutschen aus einer strategisch so wichtigen Region wie Stadt und Gebiet Moskau nur eine Frage der Zeit, zumal der Hauptangriff der deutschen Truppen gerade auf Moskau gerichtet war.

Der Beschluss über die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus den Gebieten Moskau und Rostow wurde im Rahmen der Sitzung des Politbüros des ZK WKP(b) am 5. September 1941 gefasst und als Erlass des Staatlichen Verteidigungskomitees (GKO) der UdSSR Nr. 636 vom 6. September 1941 verfasst. Aufgrund des Erlasses wurde der Befehl des Volkskommissars für innere Angelegenheiten formuliert; die Anweisungen zur Durchführung der Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau wurden von L. Beria ausgearbeitet und bestätigt. Diese Dokumente wiederholen mit wenigen Ausnahmen (bestimmte Daten über die Anzahl, Unterbringung der Deutschen, Berechtigungen des NKWD u.ä.) die Grundsätze der ähnlichen früheren Befehle und Anweisungen zur Deportation der Deutschen aus der Wolgaregion.

Vor der Deportation hatten die NKWD-Behörden die deutsche Bevölkerung in Moskau und im Gebiet Moskau registriert. Somit hatten die Organisatoren der Übersiedlung konkrete Angaben zur Weiternutzung: 11.567 Personen. Ein Zehntel davon – 1.142 „antisowjetische Ele-

Борис Раушенбах

« Я слышал о том, что нас выслают, и взял у себя на работе командировку в ЦАГИ. Для командировки туда нужен был пропуск, и я получил его, но ни в какой ЦАГИ не поехал. На кой черт мне туда ехать, тем более что он уже был в Новосибирске?! Но формально командировочное удостоверение у меня было. Когда меня хотели отправить, повели в милицию и спрашивают: «Вы немец?» Я говорю: «Да, немец. Вот моя справка». Справка о том, что я имею допуск к совершенно секретной работе. Они обалдели. Что делать? Выслать? А может, я очень важный человек и от меня зависит оборона Москвы? Побежали к начальнику, он сказал: «Отпустите, но зарегистрируйте!» Меня зарегистрировали и отпустили. И немцы, которых в тот момент выслали, смотрели на меня с завистью. Говорят, потом опять пытались меня найти, но я уже был в эвакуации. Таким образом, я спокойненько дожил до эвакуации. И там было все нормально – до отправки в лагерь. »

Из воспоминаний академика Бориса Викторовича Раушенбаха (1915–2001), одного из основоположников российской космонавтики. В октябре 1941 г. Раушенбах, как и другие сотрудники института, где он работал, был эвакуирован в Свердловск. Там до марта 1942 г. работал на одном из оборонных заводов. Затем был мобилизован в трудовой лагерь в Нижнем Тагиле.

мента», т. е. почти десятая часть¹². Это очень высокий показатель. Например, при переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей было арестовано всего 349 человек, 0,08 % от числа выселенных¹³. Очевидно, массовость арестов обуславливалась статусом столицы и столичного региона, а также близостью фронта.

Интересна социальная характеристика оставшейся после ареста части немецкого населения. Она приводится в подготовительных к депортации документах НКВД и содержится в таблице 1.

К последней социальной группе, выделенной НКВД весьма условно, видимо, относятся не только люди, промышлявшие «подпольным»

менте“ – stand auf der Verhaftungsliste und wurde später festgenommen. Das ist eine sehr hohe Zahl. Zum Vergleich: Bei der Zwangsübersiedlung der Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen, aus den Gebieten Saratow und Stalingrad wurden nur 349 Menschen verhaftet – also 0,08% aller Deportierten. Die massenhafte Verhaftung in Moskau war offensichtlich durch den Hauptstadtstatus sowie auch durch die Nähe zur Kriegsfront bedingt.

Aufschlussreich ist die soziale Charakteristik der nach der Verhaftung zurückgebliebenen deutschen Bevölkerung. Sie war in den die Deportation vorbereitenden Dokumenten des NKWD angeführt und wird in der Tabelle 1 dargeboten.

Таблица 1

Социальная характеристика населения Москвы и Московской области, намеченного к переселению¹⁴

Tabelle 1

Soziale Charakteristik der zur Übersiedlung bestimmten Bevölkerung Moskaus und des Gebiets Moskau¹

Социальный состав населения (по классификации НКВД) Soziale Bevölkerungsstruktur (nach der NKWD-Klassifikation)	Москва Moskau	Московская область Moskauer Gebiet	Всего insgesamt
Рабочие Arbeiter	1749	2475	4224
Служащие Beamte	2833	862	3695
Лица, не участвующие в общественной жизни и не имеющие определенных занятий Gesellschaftlich nicht engagierte und keine bestimmte Tätigkeit ausübende Personen	918	609	1527
Всего Insgesamt	5500	4925	10425

Иван Лаут

Я горжусь своим отцом, российским немцем, я горжусь тем, что ношу его фамилию и понимаю, почему юношей, окончившим 9 классов, папа в июле 1941 г. по призыву ЦК ВЛКСМ добровольцем отправился на строительство оборонительных рубежей под Смоленском и Вязьмой. Возвращался вместе с отступающими частями Красной армии...

Августовским солнечным днем у раскрытого окна сидела молодая женщина, она была занята любимым делом – вышиванием. Ловкие пальцы привычно делали цветные стежки, а мысли были далеко: там, где ее младший 16-летний сын Иван должен был преградить путь разрушительной силе германского фашизма. Это была моя бабушка Ольга Александровна Лаут. Будучи домохозяйкой, она жила только заботами о семье, была далека от политики и не понимала идеологии фашизма, чем он страшен для народов России и ее любимых сыновей и мужа (о себе она вообще думать не умела). Вдруг под окном раздался шорох. Взглянув, бабушка обомлела – это был ее Иван, грязный, изможденный, напуганный и повзрослевший. От него она узнала

(а потом рассказала и мне) о жестоких бомбежках, разрушениях, страшных картинах крушения поездов и гибели людей. Папа больше никогда и никому не рассказывал о том, что по ночам ему снились кровь, человеческие страдания и ужасные душераздирающие крики.

Осенью дедушка, видимо, что-то тревожное предчувствуя и желая защитить сына, эвакуировал папу со своей сестрой Марковой Ирмой Ивановной и ее сыновьями из Москвы в Казахстан, в Талды-Курганскую область, село Кзыл-Агач Канопольского района. Ранее туда был выслан брат дедушки Лаут Александр Иванович. Когда в 1960-е гг. мы приезжали отдохнуть к родственникам, я помню улицы этого села с белыми аккуратными немецкими домами, чистыми двориками и ухоженными садами. Но это будет потом. А тогда город Михайлов Рязанской области, где остались дедушка с бабушкой, был действительно вскоре оккупирован фашистами, а после победы в битве под Москвой мой дедушка Лаут Иван Иванович был выслан туда же, в Казахстан, а бабушку осудили на 10 лет по 58-й статье.

Из воспоминаний Татьяны Лаут об отце Иване Ивановиче Лауте (1924–1988), родившемся в г. Бальцер Республики немцев Поволжья и проживавшем на момент начала Великой Отечественной войны в г. Михайлове Рязанской области. Осенью 1941 г. он вместе с тетей Ирмой Ивановной и двоюродными братьями из Москвы был эвакуирован в Казахстан. Уже оттуда он был трудмобилизован и попал в Челябинсталлургстрой.

индивидуальным трудом, торговлей, священники и т. п., но и, например, люди некоторых творческих профессий, пенсионеры, инвалиды.

В ходе подготовки к депортации органами НКВД по согласованию с ГКО было принято решение оставить в Москве 1620 немцев, в их числе:

- лиц из смешанных семей, в которых глава семьи не являлся немцем – 912;
- лиц престарелого возраста со слабым здоровьем – 264;
- членов семей красноармейцев – 100;
- лиц, оставляемых по оперативным соображениям – 97;
- высококвалифицированных специалистов – 147¹⁵.

Если из 10 425 немцев, оставшихся после ареста, вычтуть оставленных 1620 человек, то получается число 8805 человек. Однако в постановлении ГКО от 6 сентября 1941 г. фигурирует число – 8617 немцев. Видимо, в дальнейшем, перед депортацией, было произведено дополнительное уточнение числа выселяемых.

Постановление предписывало проведение депортации из Москвы и Московской области в период с 10 по 15 сентября, т. е. на подготовку к депортации органам НКВД отводилось всего 3 дня, следовательно, еще меньше времени оставалось у депортируемых, многие из которых даже не подозревали о том, какое испытание готовит им судьба.

В отличие от других регионов в Москве после доведения до немцев постановления о депортации были зафиксированы далеко не единичные случаи самоубийства, носившие как индивидуальный, так и групповой характер. В частности, в одном из донесений отмечается групповое самоубийство пожилой семейной пары дворянского происхождения¹⁶. В. Ямпольский приводит факт самоубийства по причине депортации 12 сентября 1941 г. 48-летнего москвича Адольфа Иосифовича Эрдмана¹⁷.

Выселение началось 14 сентября (ушли первые 2 эшелона) и завершилось 18 сентября (ушел последний 4-й эшелон). Общее представление о процессе депортации московских немцев дает таблица 2.

Die letzte Gruppe ist nur konventionell: Nach der Logik des NKWD gehörten dazu nicht nur illegale Privatunternehmer, Händler, Priester o.ä., sondern auch zum Beispiel einige Künstler, Rentner, Behinderte.

Während der Deportationsvorbereitung beschloss das NKWD in Einverständnis mit dem GKO, 1.620 Deutsche in Moskau zu lassen. Es waren:

- Personen aus gemischten Familien, in denen das Familienoberhaupt kein Deutscher war – 912;
- bejahrte Personen von schwacher Gesundheit – 264;
- Familienangehörige von Rotarmisten – 100;
- Personen, die aus operativen Gründen bleiben mussten – 97;
- hochqualifizierte Fachleute – 147.

Wenn man von 10.425 nach der Verhaftung gebliebenen Deutschen die Zahl der Zurückgelassenen – 1.620 – abzieht, dann bleiben 8.805. In dem GKO-Erlass vom 6. September 1941 wird allerdings die Zahl 8.617 genannt. Wahrscheinlich wurde die Zahl der Auszuweisenden später, vor der Deportation, noch einmal berechnet.

Der Erlass schrieb vor, die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau vom 10. bis zum 15. September durchzuführen. Demzufolge hatte das NKWD nur 3 Tage für die Vorbereitung der Deportation. Noch weniger Zeit blieb den Deportierten, viele von ihnen ahnten nicht einmal, was für ein Leidensweg ihnen bevorsteht. Das alles wirkte sich natürlich später auf den moralischen und psychologischen Zustand der Moskauer Deutschen aus.

Nachdem die Deutschen über den Erlass informiert worden waren, wurden in Moskau, im Unterschied zu den anderen Regionen, mehrere Selbstmorde registriert, sogar Gruppenselbstmorde. In einem der Berichte ist zum Beispiel von einem Doppelselbstmord eines älteren Ehepaars adliger Herkunft die Rede. W. Jampolskij berichtet in seinem Artikel von einem Suizid, den 48-jähriger Moskauer Adolf Erdmann am 12. September 1941 wegen Deportation begangen hatte.

Die Ausweisung begann am 14. September (die ersten zwei Transporte wurden losgeschickt) und endete am 18. September (mit dem letzten

Альберт Штульберг

Леонид Брюмер.
Джамбульский базар.
Картон, масло. 27х36. 1962.

Да, в прошлые времена жили мы ни шатко ни валко, но не голодали, этого не было. Худо стало, как в колхоз начали крестьянство сгонять, казахов, силком принудили оседать... А как война началась, по первому же году вашего брата – немцев привезли. Эшелонами их гнали, раскидали по степи широкой – живи как знаешь. Когда мужиков ихних призвали да увезли невесть куда, а потом и девок с бабами загребли, всех, без разбору, остались старые да малые без куска хоть какого. Снова гибель пошла. Погляди-ка, когда заходишь в город со стороны железной дороги, кладбище большое имеется – одни бугорки... Под теми бугорками сплошь немцы. Может, там и отец твой с матерью?! А?

По последнему году войны чеченов и ингушей пригнали, как скот какой – в забитых вагонах. В зиму на сорок пятый на дорогах мертвецы-покойники лежали, как в том тридцать третьем...

Теперь одна тысяча девятьсот пятьдесят второй к концу подходит, вроде бы полегчало – почти каждый день в кооперативе хлеб дают. Корейцы, те уже обжились, приноровились, к делу пристроились. Кто в учителях, кто в конторе какой. В колхозах рисом занимаются, огородничают – они мастаки на это. Немцам куда как хуже, на них НКВД злее пса цепного зубы щербит. Кто из них в живых остался, понял: жить тихо – не лихо, на люди лишний раз глаз не кажет. Не кучкуются они, как корейцы или, скажем, чеченцы, каждый сам по себе живет. Языка своего чураются. Больше они по колхозам обретаются, но я слухом не слыхивал, чтобы в каком ауле человека стали обижать лишь за то, что он немцем на свет божий прибыл...

Случается бывать в дальнем колхозе, «Октябрь» называется. Там всякий раз захожу на огонек к учителю тамошнему, Владимиру Адамычу, из московских немцев он. На трудовом фронте не был, не взяли, старый он для них уже был. Жену схоронил в сорок втором, не вынесла она солнышка нашего, для северных людей губительно оно. Вот и живет Адамыч бобылем, казахских ребятшек русскому и немецкому обучает. Его в ауле за своего почитают, «наш аксакал» говорят. А он в старые времена в Москве на адвоката обучался. Его в городскую школу звали – не пошел. «Не желаю, – говорит, – тут я у своих».

Отрывок из романа «Бескунак» Альберта Штульберга (1921 г.р.), высленного в 1941 г. из Москвы с родителями и депортированного в Казалинск.

Таблица 2

Депортация немцев из Москвы и Московской области в Казахстан¹⁸

Tabelle 2

Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Moskauer Gebiet nach Kasachstan²

Номер эшелона Transportnummer	Убытие из Москвы Abfahrt aus Moskau	Станция назначения Bestimmungsbahnhof	Численность эшелона при отправке (чел.) Personenzahl im Transport bei Abfahrt	Дата прибытия Ankunftsdatum	Станция прибытия Ankunftsbahnhof	Численность эшелона по прибытию (чел.) Personenzahl im Transport bei Ankunft	Районы и области размещения депортированных в Казахстане Unterbringungsbezirke und -gebiete in Kasachstan für Deportierte
1070	14.09.1941	Казалинск Kasalinsk	2363	26.09.1941	Нуринская Карагандинской ж.д. Nurinskaja, Bahnstrecke Karaganda	2366	Тельманский и Ворошиловский районы Карагандинской области Казахской ССР Landkreise: Thälmann und Woroschilow, Gebiet Karaganda, Kasach. SSR
1072	14.09.1941	Казалинск Kasalinsk	2631	27.09.1941	Сыр-Дарьинская Ташкентской ж.д. Syr-Darjinskaja, Bahnstrecke Taschkent	2769	Кировский район Ташкентской области Узбекской ССР Landkreis Kirow, Gebiet Taschkent, Usbek. SSR
1073	15.09.1941	Нуринская Nurinskaja	2196	28.09.1941	Разъезд 96 км Оренбургской ж.д. Ausweichstelle 96.Km, Bahnstrecke Orenburg	2205	Казалинский район Кызыл-Ординской области Казахской ССР Landkreis Kasalinsk, Gebiet Kysyl-Orda, Kasach. SSR
1071	18.09.1941	Нуринская Nurinskaja	1094	30.09.1941	Казалинск Оренбургской ж.д. Kasalinsk, Bahnstrecke Orenburg	2199	Казалинский район Кызыл-Ординской области Landkreis Kasalinsk, Gebiet Kysyl-Orda
4 эшелона 4 Transporte	14–18.09.1941		8284	26–3009.1941		9539	

В 1941 г. мы рано, еще в мае, уехали на дачу к маминей двоюродной сестре Эрне Фердинандовне в Лобню. В июне началась война, а 2 сентября нашего отца забрали в армию. Мы остались в Лобне, в Москву вернуться не могли, так как у мамы нас было трое: Рудику – 11 лет, мне – 5 лет, Волику – не было 3-х лет. Дядя Стива (Стефан Фадеевич) Триденский, муж тети Эрны, с соседями выкопал во дворе бомбоубежище, и во время бомбежек мы всей семьей (у Триденских тоже были дети Игорь и Эрнушка) прятались там. Однажды мы не выходили из бомбоубежища 9 дней, в нашем доме жили чужие люди в маскхалатах. Перед домом было замерзшее болото. Нам нечего было есть, тогда моя мама и Рудик с санками рано утром ушли через болото в соседнюю деревню за картошкой. На обратном пути их заметили (кто, не знаю, фронт был близко, в 3-х км) и стали по ним стрелять, мне было очень страшно. В феврале к нам в окно ночью постучали, мама утром сказала, что пришел с фронта папа, побрился (за время пути он зарос бородой), помылся, переоделся и уехал в Москву на прежнюю работу, т. е. на фабрику-кухню. Взрослые между собой говорили, что отец вместе с другими такими же шли пешком с самого финского фронта по болотам – спали днем, а ночью шли цепочкой шаг в шаг, и если кто-нибудь оступался, руки подавать нельзя было, чтобы остальным не утонуть. Мы оставались на даче. Ближе к весне, возможно в апреле, родители увезли нас в Москву и сказали, что надо собираться, так как папу забирает военкомат и маму тоже могут забрать, а нас в детский дом отправят. Семью тети Эрны тоже в Лобне не оставят. Отцу разрешили отвезти семью в Казахстан, Акмолинская область, 11-й поселок. На остановках отец бегал и просил оставить семью в Свердловске, просился во Фрунзе или в Алма-Ату, но нас нигде не принимали, только 11-й поселок, Кокчетавский район, Акмолинская область. Отец сдал нас председателю колхоза (по-моему, фамилия его была Кнут) и через четыре часа уже был в военкомате. К этому времени никого из наших в Москве уже не было, мамин брат с семьей был в Осакаровке, тетя Эрна в трудармии на тульских шахтах, дядя Стива с детьми в Казахстане, тетя Нина (младшая сестра мамы) в Новосибирске. Наш папа попал в трудармию на ремзавод под Казанью.

Из воспоминаний Ирины Эдуардовны Редекон, руководителя Пермского регионального общества немцев «Видергебурт». Ирина Эдуардовна родилась в 1936 г. в Москве.

Ирина Редекон

Анализ данных, приведенных в таблице 2, позволяет сделать несколько интересных заключений. Всего немцев Москвы и Московской области вывезли четырьмя эшелонами. В силу каких-то обстоятельств, которые пока выяснить не удалось, ни один эшелон не попал на станцию своего первоначального назначения.

Первым из Москвы отправился эшелон № 1070. Станцией назначения ему определялся Казалинск (в устье Сыр-Дарьи, недалеко от восточного побережья Аральского моря), однако реально он прибыл на станцию Нурина (чуть севернее Караганды). А его пассажиры были расселены в восточной части Карагандинской области.

Вторым из Москвы в тот же день, 14 сентября, вышел эшелон № 1072. Ему также предназначалось прибыть в Казалинск. Однако он проследовал через эту станцию, проехав на юг в Узбекистан до Ташкента и дальше, и выгрузил своих пассажиров на станции Сыр-Дарьинской – в 80 км к юго-западу от Ташкента. Немецкие семьи из этого эшелона были расселены на севере Ташкентской области около границы с Казахстаном.

Третий эшелон – № 1073 – вышел из Москвы на следующий день – 15 сентября и должен был следовать до станции Нурина, однако был разгружен на разъезде 96-й км (несколько километров южнее Казалинска). Немцы были расселены в Казалинском районе Сыр-Дарьинской области.

Четвертый (последний) эшелон вышел лишь 18 сентября, на два дня позже определенного постановлением ГКО СССР срока. Невыполнение постановления в те тревожные дни и недели было чревато серьезными последствиями для нарушителей и скорее всего было вызвано объективными обстоятельствами, например, возникшими сложностями в поиске и сборе лиц, подлежащих депортации. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что численность этого эшелона оказалась намного (в два раза и более) меньше численности предыдущих эшелонов. Всего в четырех эшелонах было вывезено 8284 человека¹⁹, т. е. на

виентом транспорте). Den Gesamtüberblick über den Deportationsverlauf bietet die Tabelle 2.

Bei der Analyse der in der Tabelle angeführten Daten lassen sich einige interessante Schlussfolgerungen ziehen. Insgesamt vier Transporte brachten die Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau weg. Aus irgendwelchen Gründen, die noch unklar sind, erreichte keiner der Transporte den ursprünglich bestimmten Zielortbahnhof.

Als erster verließ Moskau der Transport Nr. 1070. Als Zielort war Kasalinsk (an der Syr-Darja-Mündung, unweit der östlichen Aralseeküste) angegeben, aber in Wirklichkeit kam der Transport an der Station Nurinskaja (etwas nördlicher von Karaganda) an. Die Passagiere wurden im östlichen Teil des Gebiets Karaganda untergebracht.

Der zweite Transport Nr. 1072, der am selben Tag, den 14. September, losgeschickt wurde, sollte auch in Kasalinsk ankommen. Diese Station wurde für den Transport aber nicht zum Endpunkt. Der Zug fuhr weiter in den Süden nach Usbekistan bis Taschkent und noch weiter: Die Passagiere stiegen an der Station Syr-Darjinskaja aus – 80 Kilometer südwestlich von Taschkent. Die deutschen Familien aus diesem Transport wurden im nördlichen Teil des Gebiets Taschkent an der Grenze zu Kasachstan untergebracht.

Der dritte Transport Nr. 1073 verließ Moskau am nächsten Tag, den 15. September, und sollte die Station Nurinskaja erreichen. Die Passagiere mussten aber an der Ausweichstelle 96. Kilometer (einige Kilometer südlicher von Kasalinsk) aussteigen und wurden in dem Kasalinskij Bezirk des Gebiets Syr-Darja untergebracht.

Der letzte vierte Transportzug fuhr erst am 18. September ab, zwei Tage später, als das GKO der UdSSR vorgeschrieben hatte. Die Nichtbefolgung des Erlasses konnte in jener unruhigen Zeit schwere Folgen nach sich ziehen. Die verspätete Abfahrt des Transports kann nur mit objektiven Umständen erklärt werden, zum Beispiel mit Schwierigkeiten, die beim Suchen und Holen der zu deportierenden Personen entstanden. Für diese Annahme spricht die Tatsache, dass die Zahl der Transportpassagiere doppelt so wenig war, als in den früheren Trans-

Алексей Штраус

Отрывок из романа Алексея Штрауса «Живые тени». Сам автор, сын «врага народа», расстрелянного на Колыме в 1938 г., трижды в начале войны просился на фронт. В 1942 г., он, как и герой его романа москвич Константин Риль, получил повестку военкомата о мобилизации в трудовую колонну НКВД. Роман «Живые тени» был написан в 1993 г.

- С какого года? – первым задал вопрос военком.
- С двадцать четвертого.
- Так, – подтвердил военный с тремя шпалами. – Комсомолец.
- Нет.
- Сам не вступил или не приняли?
- Не приняли.
- Так, образование какое? Чем занимаешься?
- Учился в училище. Его временно закрыли.
- Так. В каком училище? Отвечай подробней.
- В художественном, имени Горького. В Палехе.
- Получилось, что все вопросы задавал только он, этот пожилой военный с лысиной. Остальные только крутили головами, глядя то на него, то на Костю, стоящего перед столом.
- Так. Так чем же ты занимаешься?
- Работаю помощником машиниста на узкоколейке.
- Так. Значит на брони, – почему-то

на этот раз он обратился к военкому. Тот не задержался с ответом.

– Что вы? Какая бронь? У него еще непризывной возраст. Просто так работает, на рабочую карточку. Всякая бронь через нас проходит. Тут с лимитом строго.

Ответ военного и весь этот разговор Косте очень не нравился. Он ожидал другого. А тут все как-то не о том, не о его заявлении на фронт.

Тучный лысый военный продолжал «такать».

– Так, – сказал он в очередной раз. – А отец у тебя по какой статье осужден?

– Я не знаю. Он нам не писал. Он без права переписки. И вообще при чем тут отец? – не удержался Костя, почувствовав какой-то подвох. – Сын за отца не отвечает!

– Так. Ну это мы знаем. Мы ознакомлены с письмом товарища Сталина в газету «Правда», – отразил лысый и что-то стал нашептывать на ухо военному. Потом обратился к сидящим за столом.

– Так. У вас, товарищи, есть вопросы к Рилью?

Не отвечая, все отрицательно покачали головами.

– Тогда все, Риль. Идите. Вы свободны, – за всех заключил военком.

– А как же мое заявление?

– Решение комиссии вам сообщат.

«Все не то. Все не так. И военком на «вы», и этот лысый с отцом. Как с чужим разговаривают», – думал Костя, уходя из военкомата.

Предчувствие оправдалось скоро. Ему было отказано без объяснения причин. Какая-то не высказанная никем, тайная для Кости причина сыграла свою роль...

Страшная догадка испугала его, когда он узнал из газет о переселении немцев из Немповолжья. Но Костя даже в мыслях гнал ее прочь. Какое он имеет к этому отношение? Он русский. Это четко записано в его паспорте, полученном совсем недавно...

333 человека меньше, чем требовалось в постановлении ГКО СССР от 6 сентября.

Очевидно исполнители операции по переселению московских немцев получили за невыполнение постановления ГКО серьезный нагоняй, поскольку были приняты дополнительные меры по поиску лиц, подлежащих депортации, удалось собрать 356 человек. Этим людей отправили 22 сентября поездом до Тулы²⁰, где их посадили на эшелон, вывозивший немцев Тульской области.

Тульский эшелон убыл 3 октября 1941 г. В его вагонах перевозили 3058 человек (включая 356 московских немцев). Пассажиры эшелона были выгружены и расселены в Карагандинской области²¹.

Таким образом, из Москвы и Московской области было вывезено всего 8640 немцев, т. е. установленное ГКО СССР количество подлежащих депортации (8617 чел.) было превышено на 23 человека. Вместе с тем, как отмечается в документах, 10 человек, подлежащим депортации, удалось скрыться. Их так и не удалось обнаружить²².

Интересен еще один факт. Практически все эшелоны, вывозившие немцев из Москвы и Московской области, за время пути увеличили численность своих пассажиров: первый – на 3; второй – на 138; третий – на 9; а четвертый – на 1105 человек, т. е. увеличил численность пассажиров более чем в два раза. Очевидно, что такое значительное увеличение численности 4-го эшелона может быть объяснено лишь специально организованной посадкой пассажиров. Остальные три эшелона, скорее всего, подбирали отставших, снятых с предыдущих эшелонов по болезни и т.п. Такое предположение вполне обосновано, поскольку в Казахстане эшелоны с московскими немцами в основном шли по тем же маршрутам, что и эшелоны с немцами из Поволжья и Ростовской области.

К сожалению, в дальнейшем следы московских немцев теряются, в Казахстане они смешиваются с другими группами немцев-переселенцев. В дальнейшем в документах, связанных с поло-

портен. Insgesamt wurden in vier Transporten 8.284 Personen deportiert, d.h. 333 Personen weniger, als im GKO-Erlass vom 16. September angegeben.

Die für die Deportation zuständigen Personen wurden wegen der nicht strikten Befolgung des GKO-Erlasses offensichtlich zurechtgewiesen, denn es wurden die zusätzlichen Maßnahmen zur Fahndung der zu deportierenden Personen ergriffen. Es gelang, noch 356 Personen zu finden. Diese Menschen wurden am 22. September mit dem Zug nach Tula geschickt, von dort wurden sie mit einem weiteren Transport deportiert.

Der Transportzug fuhr am 3. Oktober 1941 aus Tula ab: In seinen Waggons befanden sich 3.058 Personen (inklusive 356 Moskauer Deutsche). Die Passagiere dieses Zuges wurden im Gebiet Karaganda untergebracht.

Insgesamt wurden 8.640 Deutsche aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau ausgewiesen – die vom GKO der UdSSR bestimmte Zahl der zu deportierenden Personen wurde um 23 Personen überschritten. Gleichzeitig ist den Dokumenten zu entnehmen, dass zehn Personen es schafften, der Deportation zu entkommen. Es gelang nicht, sie zu finden.

Noch eine Tatsache scheint interessant zu sein. Fast alle Transportzüge mit Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau bekamen unterwegs mehr Passagiere: der erste – 3; der zweite – 138; der dritte – 9; der vierte – 1105, d.h. doppelt so viel. Diese wesentliche Vermehrung der Passagiere in dem vierten Transport lässt sich nur dadurch erklären, dass die Passagiere unterwegs organisiert hinzugefügt wurden. Die ersten drei Transporte nahmen wahrscheinlich nur diejenigen auf, die unterwegs ihren Zug verpasst hatten bzw. wegen Krankheit vom Transport abgesetzt wurden o.ä. Diese Annahme ist durchaus begründet, denn die Transporte mit den Moskauer Deutschen fuhren in Kasachstan fast dieselben Strecken, wie die Transporte mit den Deutschen aus der Wolgaregion und aus dem Gebiet Rostow.

Leider gehen die weiteren Spuren der Moskauer Deutschen verloren, in Kasachstan vermischen sie sich mit den anderen Gruppen der

« Russlanddeutsche Fabel

Einmal wühlte ein Windsturm
 die friedliche Wolga auf,
 riß einen silbernen Schwarm Fische
 aus dem brodelnden Wasser,
 trieb sie in schwarzen Wolkenfetzen
 über den brennenden Himmel
 und ließ sie bald hier, bald dort
 auf die bittere Erde fallen –
 so kamen sie außer Atem –
 in fremde Pfützen und Sümpfe,
 Bäche, Teiche und Seen...
 Nun träumen sie von den Heimatwellen
 und hören die Winde
 das alte lästige Märchen erzählen –
 von den künftigen rettenden
 Nordflüssen,
 die irgendwann südwärts umgeleitet
 werden...
 „Aber leere Worte retten nicht!“
 flüstern die Heimatlosen müde.
 „Sieht die Mutter Natur nicht,
 dass wir aus unserem Schwarm
 und aus unserem Element
 vertrieben worden sind?
 Bald wird uns ein neuer Windsturm
 auf dem ausländischen Fischmarkt
 suchen und finden –
 vielleicht gedörrt und eingesalzen,
 vielleicht auch silbern und frisch...“

Robert Weber

Robert Weber

Russlanddeutscher Lyriker, Novellist, geb. 1938
 in Pawlow-Posad, Gebiet Moskau, gest. 2009
 in Augsburg. Seine Kindheit verbrachte im Altaigebiet.

жением депортированных немцев в Казахстане, лишь косвенно можно определить присутствие московских немцев, поскольку разделение депортированных по месту их исхода практически не проводилось.

Московские немцы составили основную часть категории депортированных «городских жителей», о них, в частности из переписки сотрудников НКВД Казахстана известно следующее: «Среди этого контингента многие имеют высокие квалификации: инженеры, доценты кафедр, капитаны пароходов, профессора, бухгалтеры, машинисты паровозов, рабочие различных заводов и т.д.

Естественно, что в условиях района применить свои квалификации они не могут, физическую же работу многие из них выполнять не хотят, в связи с чем буквально осаждают органы НКВД, партийные и советские организации, посылают много заявлений и делегаций в областные центры, самостоятельно направляются на промышленные предприятия, пытаются договориться о работе и т.п.

В связи с невозможностью удовлетворить многочисленные обращения и ходатайства специалистов о предоставлении им работы, создается обстановка, при которой возможны массовые попытки к бегству, эксцессы и активные контрреволюционные выступления.

Положение городских переселенцев усугубляется еще и тем, что значительная часть из них при увольнении с работы не получила зарплату и полного расчета. Многие переселенцы, размещенные в колхозах, остро нуждаются в средствах и повседневном продовольственном снабжении, но сколько-нибудь достаточно их запросы колхозами и торгующими организациями не удовлетворяются. Авансирование их колхозами не налажено, откладывается до конца хозяйственного года.

Этот вопрос приобретает серьезное значение и определяет настроение переселенцев»²³.

Дальнейшая судьба депортированных московских немцев – предмет отдельного исследования.

ausgewiesenen Sowjetdeutschen. In den Dokumenten, die die Lage der deportierten Deutschen in Kasachstan beschreiben, kann man die Anwesenheit der Moskauer Deutschen nur indirekt verfolgen, denn nach dem Ursprungswohnort wurden die Deportierten nicht eingeteilt.

Die Moskauer Deutschen machten den größten Teil der Kategorie „Stadtbewohner“ aus. Aus dem Briefwechsel der NKWD-Beamten in Kasachstan lassen sich folgende Informationen gewinnen:

„Von diesem Kontingent sind mehrere Personen hochqualifiziert: Ingenieure, Hochschuldozenten, Schiffskapitäne, Professoren, Buchhalter, Lokomotivführer, Arbeiter von verschiedenen Werken usw.

Selbstverständlich können sie in dem Bezirk hier ihre Qualifikationen nicht anwenden, körperliche Arbeit wollen viele von ihnen nicht machen und belagern geradezu die NKWD-Behörden und sowjetische Organisationen mit Delegationen und Gesuchen, begeben sich selbständig in die Gebietsstädte und versuchen, dort in Betrieben Arbeit zu finden.

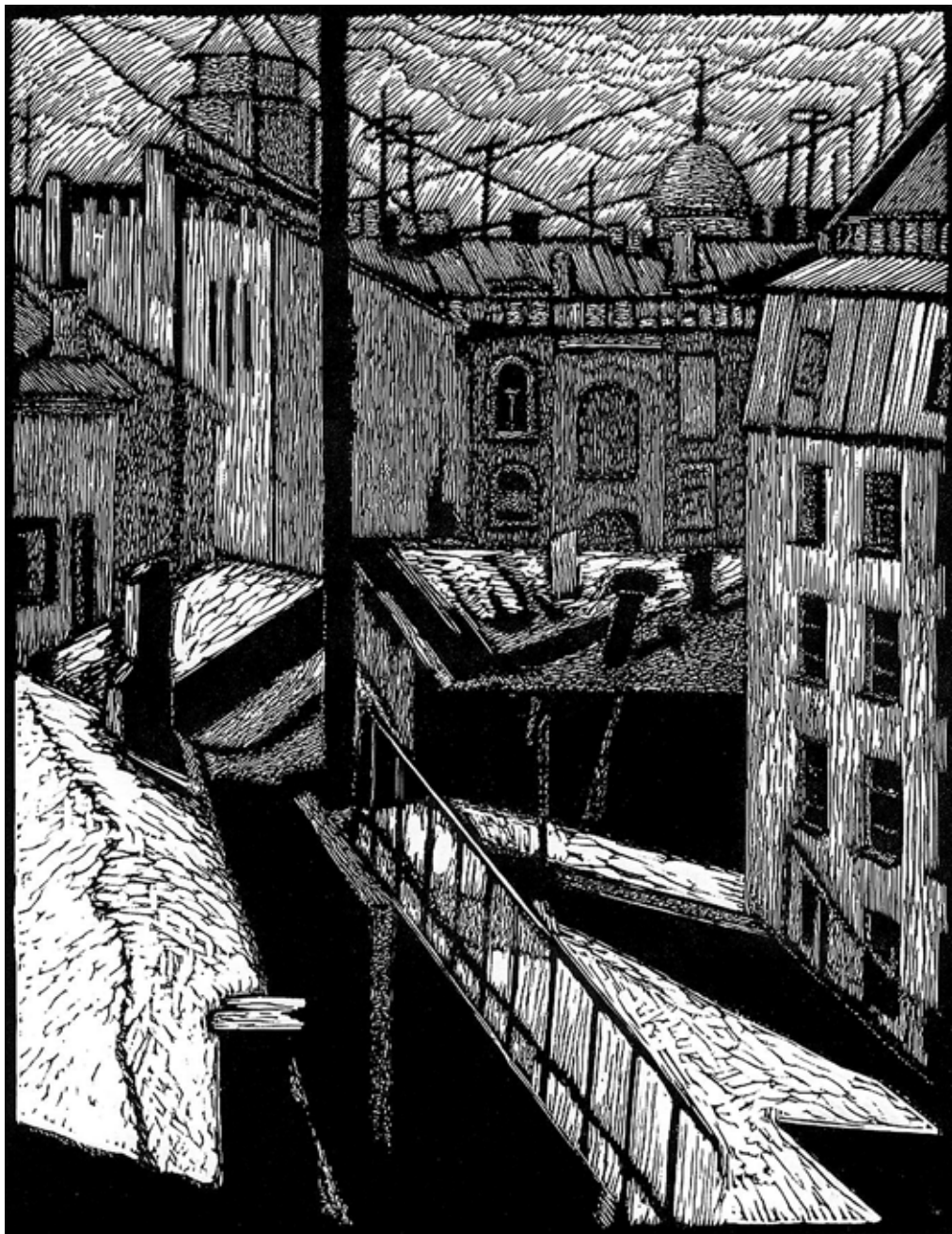
Da es unmöglich ist, zahlreichen Gesuchen und Anträgen der Fachleute stattzugeben, macht sich eine negative Stimmung breit, die zu massenhaften Fluchtversuchen, Exzessen und konterrevolutionären Aktionen führen kann.

Die hochqualifizierten Fachleute geben ihrer Unzufriedenheit besonders starken Ausdruck, weil sie ihren Beruf nicht ausüben können...

Die Lage der Stadtaussiedler ist noch dadurch schlechter, dass viele von ihnen nach der Kündigung keinen Arbeitslohn und keine volle Abrechnung erhalten hatten. Viele Aussiedler, die in den Kolchosen untergebracht wurden, waren Werkarbeiter und lebten in den Städten, sie brauchen Geld und Lebensmittelversorgung, die Kolchose und die Handelsorganisationen können aber diese Bedürfnisse nicht genug befriedigen. Die Kolchosen leisten keine Vorschüsse, das wird bis zum Ende des Wirtschaftsjahres verschoben.

Diese Frage gewinnt sehr an Bedeutung und beeinflusst stark den Gemütszustand der Aussiedler.“

Das spätere Schicksal der aus Moskau deportierten Deutschen bedarf noch weiterer Erforschungen.

Ольга-Мария Классен относится к художникам нового поколения. Она родилась в Соликамске в семье, депортированной из Украины на Урал и поселившейся на берегу реки Камы. В начале XXI столетия Ольга-Мария стажировалась в Академии художеств им. Репина в Санкт-Петербурге, ранее была ученицей художника Михаила Дистергефта, который в предвоенные годы тоже учился в Академии художеств в Ленинграде. После, весной 1941 г., он по спецнабору был призван в ряды РККА на действительную службу.

Ольга-Мария Классен.
Петербургские крыши.
Линогравюра. 27,7х35,5. 2001.